

В кабинете руководителя Малого театра много лет живет попугай Федя

берешь, как Хворостовский, либо нет.

— Но есть еще и Басков!

— Очень хорошо. Басков — милый человек, я к нему хорошо отношусь, он вхож в театр. Но Хворостовский — эталон во всем мире.

Я очень добрый человек. Но выгнать из театра могу

— Вы часто вспоминаете и благодарите своих учителей. Не преувеличиваете их заслуги? Все-таки талант от природы дается.

— Так нельзя ставить вопрос. Учителя всегда были. Меня прежде всего учили быть человеком, хотя и замечали, что стихи я читаю лучше своих одноклассников. Ребенка нужно воспитывать.

— А говорили, вас родители никак не воспитывали.

войны работали Театр сатиры, Иван Любезнов, композитор Бундаскин, Олег Лундстрем.

— А сейчас интеллигенция — это кто?

— Когда мне тычут все время элитарностью — элитными домами, магазинами и так далее, то я понимаю, что не элита.

— Почему же?

— Я не бедный человек — потом и кровью зарабатывал и зарабатываю, но я не тусуюсь, не хожу в казино. Я не против этого, но меня обижает то, что слово «элиты» употребляется не к месту. Я говорю это от лица интеллигенции, которая еще есть. Для меня это образованные люди, с которыми интересно работать, люди, которые гордятся своим происхождением. Это ведь необязательно дворяне. Сейчас, куда ни плюнь, везде графы и князья. Мои родители получили образование среднего уровня, но они были интеллигентами. Но элитарность — это уникальность. Бывает элитная порода собак. Такие собаки — производители качества. На примере животных мне это легче объяснить.

— Но вы-то чем не элита? Вот и загородный дом у вас есть — это немногие себе могут позволить.

Юрий Соломин:

У меня все

Еще чуть больше года назад известных на всю страну братьев Соломиных было двое — теперь остался только старший. Правда, в кино мы видим его все реже и реже: вот уже пятнадцать лет Юрий Соломин — художественный руководитель Малого театра. Параллельно он преподает в Щепкинском училище вместе с женой Ольгой Николаевной. О постоянной занятости актера лучше любых слов говорят его часы — их кожаный ремешок окончательно протерся от трудового пота.

Басков — очень милый человек. Но не Хворостовский

— Юрий Мефодьевич, вы «Идиота» по телевизору смотрели?

— Да. Кое-что, урывками: все смотреть у меня нет времени. Вас интересует мое мнение?

— Да. Я вам скажу: больше нравятся, чем нет. Большая заслуга этого сериала, я считаю, что какой-то процент зрителей, молодежь в основном, вдруг взялись за книги и стали читать Достоевского. Не думали, что это так интересно. Значит, результат положительный.

— Вы не думаете, что, если на телевидении будут так удачно экранизировать классику, люди перестанут ходить в театр, в том числе и в Малый?

— Уже дважды при моей жизни предсказали, что театр умрет. Но он живет. Должен сказать, что все это анекдоты. Идиоты не пойдут в театр. Нормальные родители своих детей к нам поведут. Ведь с криминалом на телевидении явный перебор. Иногда в один вечер по всем каналам показывают документальные фильмы про убийц. Зачем?

— Но в них тоже какие-то характеры, психология...

— А зачем они нам нужны? Вам интересно час смотреть, как убийца свою жертву высматривает, а потом закапывает? Чтобы рассказать об этом, достаточно полтора минут. А для того, чтобы показывать все мучения, переживания, как его ловят, есть художественные фильмы. Сейчас Америка уже харкает кровью оттого, что в свое время людям показывали, как надо убивать, разрешали носить оружие. Вот они доразрешались. В Японии и Англии значительно меньше совершают убийств. Почему? Потому что в этих странах осталась форма ученическая.

— Мне не совсем понятна связь между преступлениями и формой.

— Должен быть порядок во всем, понимаете? Вам сколько лет?

— Тридцать.

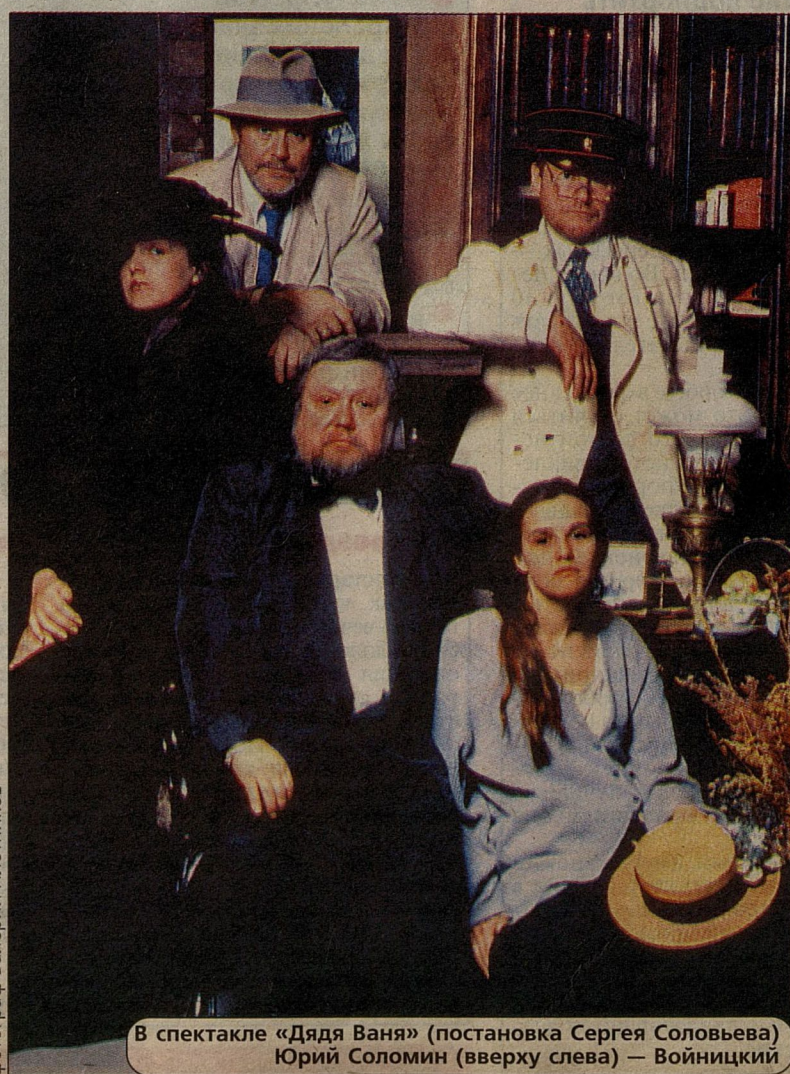
— Вы меня не поймете, потому что мне в два раза больше... Из чего складывается порядок? Утром нужно почистить зубы, вымыть руки, обязательно перекусить — иначе язва будет. Я рано гуляю с собакой — как раз в то время, когда дети идут в школу. И вижу, как они курят с утра. Даже не потому, что хотят, а просто за компанию. Ну и что? Если они будут в театральном поступать, мы их не примем. Они уже сейчас сидят, хрипят: голоса-то нету. Высоцкого я исключают: у него такой тембр был. Но тембр от прокуренности сразу можно отличить. Почему? Да потому, что в голосе тех, кто дымит, нет верхов. Вот я был сегодня в училище — там набор сейчас, — смотрю: стоит девица и курит. Я сказал: «Не берите у нее документы. Она не нужна». Хотя ей и шестнадцать лет всего. Ведь голосовые связочки розовые, нежные, а вы их никотинчиком — и они скукоживаются. И уже звука нужного нет. Это все равно что струну от гитары закопать в землю и поливать ее три года, а потом вернуть на место и ждать, что она будет хорошо звучать. Если очень хочешь быть артистом — прими наши условия. Когда научишься, вставляй сигареты в нос, уши, куда хочешь, и кури всеми дырками. Когда нужно отчислять, студентов жалко. Но мы все равно отчисляем, хоть и с кровью. Педагоги переживают. А что делать? Есть определенные требования. Если пальчики на ноге неровные, в балет не возьмут. Даже если человек умный и талантливый.

— Курящим актерам вашего театра я не завидую. Я понимаю: вы резко отрицательно к этой привычке относитесь.

— Я тоже покурил. И сейчас могу. У нас в театре процентов семьдесят курят. Ну и что? Я отношусь отрицательно не к курению. Но когда вижу в другом театре или по телевидению актрису, которая хрипит, сидит так, что у нее на груди раздувается жила, а она в декоративном платье... Насколько я знаю, в восемнадцатом веке женщины меньше курили.

— Вы меня не поймете, потому что мне в два раза больше... Из чего складывается порядок?

Утром нужно почистить зубы, вымыть руки, обязательно перекусить — иначе язва будет. Я рано гуляю с собакой — как раз в то время, когда дети идут в школу. И вижу, как они курят с утра. Даже не потому, что хотят, а просто за компанию. Ну и что? Если они будут в театральном поступать, мы их не примем. Они уже сейчас сидят, хрипят: голоса-то нету. Высоцкого я исключают: у него такой тембр был. Но тембр от прокуренности сразу можно отличить. Почему? Да потому, что в голосе тех, кто дымит, нет верхов. Вот я был сегодня в училище — там набор сейчас, — смотрю: стоит девица и курит. Я сказал: «Не берите у нее документы. Она не нужна». Хотя ей и шестнадцать лет всего. Ведь голосовые связочки розовые, нежные, а вы их никотинчиком — и они скукоживаются. И уже звука нужного нет. Это все равно что струну от гитары закопать в землю и поливать ее три года, а потом вернуть на место и ждать, что она будет хорошо звучать. Если очень хочешь быть артистом — прими наши условия. Когда научишься, вставляй сигареты в нос, уши, куда хочешь, и кури всеми дырками. Когда нужно отчислять, студентов жалко. Но мы все равно отчисляем, хоть и с кровью. Педагоги переживают. А что делать? Есть определенные требования. Если пальчики на ноге неровные, в балет не возьмут. Даже если человек умный и талантливый.

В спектакле «Дядя Ваня» (постановка Сергея Соловьева) Юрий Соломин (вверху слева) — Войничский

— Нам доверяли — в этом и заключалось воспитание. Но тогда была другая улица. А потом, провинция отличается от столицы, безусловно. Я благодарен судьбе за то, что родился в маленьком провинциальном городе Забайкалья.

— Чита не такой уж и маленький город.

— Нет-нет, у него пригороды большие, потому что там много военных частей, а сам центр — небольшой. Чита имеет историческую ценность — все-таки там надо мне лапшу на уши вешать. Классика есть классика. Еще семь лет никто не отменял. Либо ты их

— Да, есть. Я не хотел бы говорить о доме, о квартире. Потому что я уникален в своей работе. Было два Соломиных, остался один. Вот и все. У меня есть имя. Я работаю. Для моей семьи важна работа, достижение определенных результатов.

— Студенты вас не забывают?

— А по-разному бывает. Я никогда не называю своих студентов. Если они сами сочтут нужным сказать, что они у меня учились, — пожалуйста. А чего распространяться? Я учил честно. Многие учились нечестно. С первого курса я рассказываю студентам, что с ними будет происходить, какими они станут.

— Это дар предвидения?

— Нет, это дар опыта. Точно все происходит так, как я говорю. К третьему курсу студенты распыляются, чувствуют свободу, на четвертом, в первой половине, задумываются, на пятом они хватаются за все места, потому что надо устраиваться на работу. Но поезд уже ушел! И те, кто имеет светлую голову, поступают в театры. Мы это видим и их ведем. Но раз ведем человека, два, восемь, двенадцать, а он уходит. Я лично всегда педагогом говорю: «Отпустите его, не хочете — зачем заставляете?»

— Вам не кажется, что педагогическая деятельность ожесточает?

— Нет, я очень добрый. Иногда даже чересчур. Но если при мне в театре оскорбят пожилого артиста, хам вылетит через пять минут. Меня учили уважать стариков, быть на стороне слабых. Унижение человека на глазах у других, особенно при детях, — это самое страшное.

— А какие слабости вы можете простить своим студентам?

— Не скажу.

— Думаете, они прочитают интервью и будут этим пользоваться?

— Да не в этом дело. Одного можно за это простить, другого — за то, а третьего — ни за что простить нельзя. Кому больше дано, с того больше и спросится. Жалость — нехорошее чувство. Нужно уважать, а не жалеть.

Пьянство и хамство не выношу

— Сколько у вас людей в подчинении?

— В Малом театре примерно 700 человек. Коллектив у нас хо-

роший. Вот вы, когда зашли, что почувствовали?

— Прохладу после жары.

— Что еще?

— Всюду ковры. Мягко.

— У нас чисто. Пахнет домом.

Это заслуга традиций, которые здесь существуют. Поэтому и приводят сюда своих детей — в театре есть династия. Конечно, в семье не без уроков. Хотя у нас очень небольшой отток.

— Не увольняете никого?

— Увольняем.

— За что?

— За пьянство. Потому что пьянство приводит к хамству. Есть человек хороший, но когда напьется — хамит. Этого я не выношу.

— А я слышала от актеров, что в театре стали меньше пить.

— Да. Вы знаете, в 88-м году, когда меня избрали художественным руководителем, у нас в буфетах не было даже пива. Потому что кто-то сильно напился и это мешало работе. Но я знаю, что от пива человек пьяным не бывает. И когда мне говорят: «Я пьян, потому что выпил пива», отвечаю: «Не ври, давай я принесу пиво — проверим. Пивом ты запивал водку. Хотя и клялся, что это в последний раз и больше не будешь. Значит, когда тебе предлагали выпить, ты Соломина или Коршунова (нашего директора) в этот момент послал. Так вот теперь мы тебя посылаем от имени всего коллектива».

— А у него дети могут быть, Юрий Мефодьевич.

— Могут.

— Не жалко?

— Детей очень жалко. А вам не жалко тысячи зрителей, и детей в том числе, которые приходят в театр и видят на сцене пьяного дядю, который, не дай бог, сморозит что-нибудь? У нас такие до сцены не доходят. Так что это вопрос непростой. Зато теперь в Малом театре продается все — коньяки, вино. И в актерском буфете, и в кафе. Зайдите посмотрите. У нас пьяных нет. Чтобы опьянеть, здоровому лбу нужно выпить бутылку водки. А зачем ему бутылка, если он может спокойно выпить стопочку, покурить, поговорить, пообедать? Я сам знаю, сколько надо. Иногда в антракте кто-нибудь 50 граммов может выпить. Вместо лекарства — это расширяет сосуды. От такой дозы пьяным не будешь.

— В Малый, наверное, в основном женщины ходят?

— Почему? Нет.

— Удивительно. Вечером едешь в метро — женщины читают, мужчины спят пьяные.

— Наши мужчины вечером работают на сцене. После спектакля в метро уснуть не могут. Потому что надо время, чтобы отойти. Поэтому у нас немножечко другие мужики. После спектакля могут отметить какой-то праздник, даже с семьей, — это не наказуемо, а, наоборот, поощряется.

Перед смертью брат держал меня за руку

— Юрий Мефодьевич, мы с вами встречаемся накануне печальной даты — год назад ушел из жизни ваш брат, актер Виталий Соломин. Вы сразу узнали о несчастье? Говорили, что вам долго боялись об этом сообщить.

— Мне позвонили, как только брату стало плохо. Я приехал в филиал театра и отменил спектакль. А как иначе? Я вызывал «скорую», увозил его. К сожалению, не очень хорошо вели себя журналисты. Провоцировали меня и семью приехать в Скифосовского, вызывали записками.

— Вам успел что-нибудь сказать Виталий Мефодьевич?

— Нет, брат уже не говорил. Достаточно того, что он держал

Фото из семейного архива Юрия Соломина

меня за руку... Наши мастера сделали ограду на могилу — недавно ее поставили. 27-го была панихида. В память о брате идет премьера спектакля. Что еще можно сделать для актера?

— Я слышала, что с братом у вас были сложные отношения. Мне кажется, и характеры ваши совершенно разные.

— Безусловно. И у близнецов бывает разный характер. Но делить

нам было нечего. Мы работали в одном театре. При мне он вернулся в Малый, поставил волевишь. Пусть те, кто говорит, делают выводы. Потом, он на семь лет младше меня — из роддома я его забирал. Так что из всех живущих на белом свете я знал его лучше, чем кто-либо.

— А как вы забирали его из роддома?

— Шел 41-й год, отец взял меня с собой. На все хлебные карточки он купил пирожные: мы потом месяц сидели без хлеба. Отец был очень наивный, широкий человек. Пирожные состояли из двух спрессованных кусков черного хлеба и повидла. Я до сих пор помню их вкус.

— В детстве не дрались с братьями?

— О чем вы говорите? Я был в десятом, а он в третьем. У меня уже девушки были, а он был сопляк, только курить начинал.

— А на поступление Виталия Мефодьевича в Щепкинское по-

поехал. А вот и все.

Обруч не носил

— Птес в кино — А ведь здесь вечера. Мглаюся. Снимать хочу. Могу, пусть, не имя. Сам ледние дом постлей. Снял кая сага», ил матери в столице жом сним тавить те теперь за в 68-м году зался в И

библиотека

Итоги конкурса

«Собеседник» вновь подводит итоги етечной лотереи. Итак, мы рады объявить итоги. Ими стали:

— районная библиотека, п. Ибреси (Чувашия)
— центральная городская библиотека, г. Салават
— библиотека-филиал №9, г. Муром (Владимирская область)
— центральная библиотека, г. Медногорск (Башкортостан)

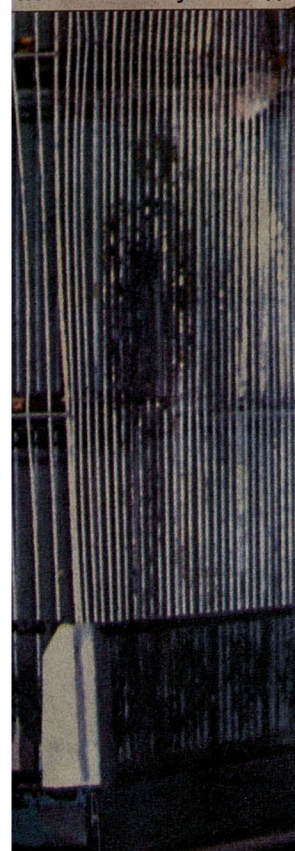
Поздравляем победителей! Все они получили от Издательского дома «Собеседник» уже готовятся к отправке.

Хотелось бы отдельно отметить районную библиотеку Ибреси. Количество присланных в наш адрес выводит ее в число наиболее вероятных победителей конкурса, в котором разыгрывается несколько призов. Результаты будут опубликованы на наших страницах.

До конца подписной кампании остаются дни, поэтому советуем оформить подписку на «Собеседник» сегодня. Напомним, что для участия в лотерею в адрес редакции копию подписного абонемента

P.S. Редакция приносит извинения за нехватку призов в связи с возможными перебоями в доставке. По всем вопросам, касающимся проекта «Библиотека России», звоните по телефону (044) 25-11-11.

оводителя Малого театра лет живет попугай Федя

берешь, как Хворостовский, либо нет.

— Но есть еще и Басков!

— Очень хорошо. Басков — милый человек, я к нему хорошо отношусь, он вхож в театр. Но Хворостовский — эталон во всем мире.

Я очень добрый человек. Но выгнать из театра могу

— Вы часто вспоминаете своих учителей. Не увеличиваете их заслуги? Все-таки талант от природы дается.

— Так нельзя ставить вопрос. Учитель всегда учитель. Меня прежде всего учили быть человеком, хотя и замечали, что стихи я читаю лучше своих одноклассников. Ребенка нужно воспитывать.

— А говорили, вас родители никак не воспитывали.

войны работали Театр сатиры, Иван Любезнов, композитор Будашикин, Олег Лундстрем.

— А сейчас интеллигенция — это кто?

— Когда мне тычут все время элитарностью — элитными домами, магазинами и так далее, то я понимаю, что не элита.

— Почему же?

— Я не бедный человек — потом и кровью зарабатывал и зарабатываю, но я не тусуюсь, не хожу в казино. Я не против этого, но меня обижает то, что слово «элиты» употребляется не к месту. Я говорю это от лица интеллигенции, которая еще есть. Для меня это образованные люди, с которыми интересно работать, люди, которые гордятся своим происхождением. Это ведь обязательно дворяне. Сейчас, куда ни плюнь, везде графы и князья. Мои родители получили образование среднего уровня, но они были интеллигентами. Но элитарность — это уникальность. Бывает элитная порода собак. Такие собаки — производители качества. На примере животных мне это легче объяснить.

— Но вы-то чем не элита? Вот и загородный дом у вас есть — это немногие себе могут позволить.

— Да, есть. Я не хотел бы говорить о доме, о квартире. Потому что я уникален в своей работе. Было два Соломинных, остался один. Вот и все. У меня есть имя. Я работаю. Для моей семьи важна работа, достижение определенных результатов.

— Студенты вас не забывают? — А по-разному бывает. Я никогда не называю своих студентов. Если они сами сочтут нужным сказать, что они у меня учились, — пожалуйста. А чего распространяться? Я учил честно. Многие учились нечестно. С первого курса я рассказываю студентам, что с ними будет происходить, какими они станут.

— Это дар предвидения?

— Нет, это дар опыта. Точно все происходит так, как я говорю. К третьему курсу студенты расползаются, чувствуют свободу, на четвертом, в первой половине, задумываются, на пятом они хватаются за все места, потому что надо устраиваться на работу. Но поезд уже ушел! И те, кто имеет светлую голову, поступают в театры. Мы это видим и их ведем. Но раз ведешь человека, два, восемь, двенадцать, а он уходит. Я лично всегда педагогам говорю: «Отпустите его, не хочет — зачем заставлять?»

— Вам не кажется, что педагогическая деятельность ожесточает?

— Нет, я очень добрый. Иногда даже чересчур. Но если при мне в театре оскорбят пожилого артиста, хам вылетит через пять минут. Меня учили уважать стариков, быть на стороне слабых. Унижение человека на глазах у других, особенно при детях, — это самое страшное.

— А какие слабости вы можете простить своим студентам?

— Не скажу.

— Думаете, они прочитают интервью и будут этим пользоваться?

— Да не в этом дело. Одного можно за это простить, другого — за то, а третьего — ни за что простить нельзя. Кому больше дано, с того больше и спросится. Жалость — нехорошее чувство. Нужно уважать, а не жалеть.

Пьянство и хамство не выношу

— Сколько у вас людей в подчинении?

— В Малом театре примерно 700 человек. Коллектив у нас хо-

роший. Вот вы, когда зашли, что почувствовали?

— Прокладу после жары.

— Что еще?

— Всюду ковры. Мягко.

— У нас чисто. Пахнет домом.

Это заслуга традиции, которые здесь существуют. Поэтому и приводят сюда своих детей — в театре есть династии. Конечно, в семье не без уроков. Хотя у нас очень небольшой отток.

— Не увольняете никого?

— Увольняем.

— За что?

— За пьянство. Потому что пьянство приводит к хамству. Есть человек хороший, но когда напьется — хамит. Этого я не выношу.

— А я слышала от актеров, что в театре стали меньше пить.

— Да. Вы знаете, в 88-м году, когда меня избрали художественным руководителем, у нас в буфетах не было даже пива. Потому что кто-то сильно напился и это мешало работе. Но я знаю, что от пива человек пьяным не бывает. И когда мне говорят: «Я пьян, потому что выпил пива», отвечаю: «Не ври, давай я принесу пиво — проверим. Пивом ты записываешь водку. Хотя и клянешься, что это в последний раз и больше не будешь. Значит, когда тебе предлагали выпить, ты Соломина или Коршунова (нашего директора) в этот момент послал. Так вот теперь мы тебя посылаем от имени всего коллектива».

— А у него дети могут быть, Юрий Мефодьевич.

— Могу.

— Не жалко?

— Детей очень жалко. А вам не жалко тысячи зрителей, и детей в том числе, которые приходят в театр и видят на сцене пьяного лядю, который, не дай бог, сморозит что-нибудь? У нас такие до сцены не доходят. Так что это вопрос непростой. Зато теперь в Малом театре продается все — коньяки, вино. И в актерском буфете, и в кафе. Зайдите посмотрите. У нас пьяных нет. Чтобы опьянеть, здоровому лбу нужно выпить бутылку водки. А зачем ему бутылка, если он может спокойно выпить стопочку, покурить, поговорить, пообедать? Я сам знаю, сколько надо. Иногда в антракте кто-нибудь 50 граммов может выпить. Вместо лекарства — это расширяет сосуды. От такой дозы пьяным не будешь.

— В Малый, наверное, в основном женщины ходят?

— Почему? Нет.

— Удивительно. Вечером едешь в метро — женщины читают, мужчины спят пьяные.

— Наши мужики вечером работают на сцене. После спектакля в метро уснуть не могут. Потому что надо время, чтобы отойти. Поэтому у нас немножечко другие мужики. После спектакля могут отметить какой-то праздник, даже с семьей, — это не наказуемо, а, наоборот, поощряется.

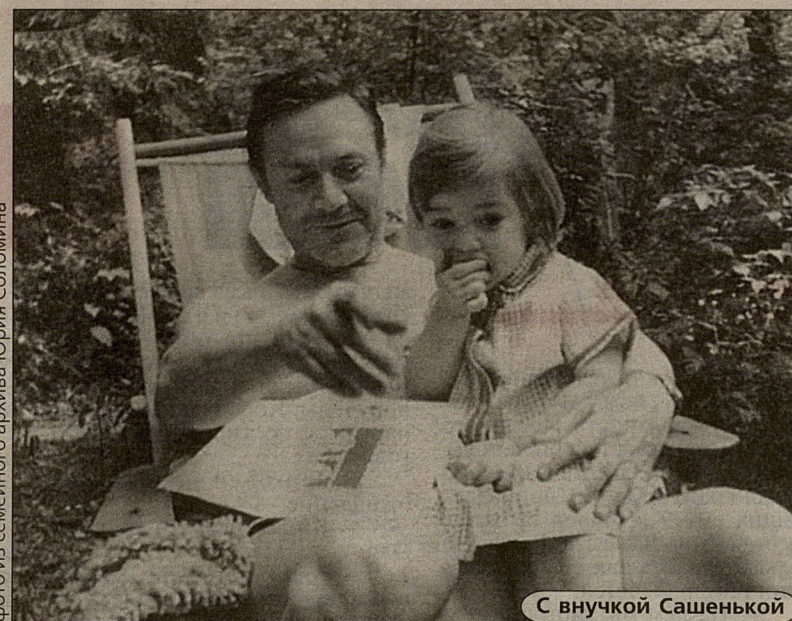
Перед смертью брат держал меня за руку

— Юрий Мефодьевич, мы с вами встречаемся накануне печальной даты — год назад ушел из жизни ваш брат, актер Виталий Соломин. Вы сразу узнали о несчастье? Говорили, что вам долго боялись об этом сообщить.

— Мне позвонили, как только брату стало плохо. Я приехал в филиал театра и отменил спектакль. А как иначе? Я вызывал «скорую», увозил его. К сожалению, не очень хорошо вели себя журналисты. Провоцировали меня и семью приехать в Склифсовского, вызывали записками.

— Вам успел что-нибудь сказать Виталий Мефодьевич?

— Нет, брат уже не говорил. Достаточно того, что он держал

С внучкой Сашенькой

меня за руку... Наши мастера сделали отрадку на могилу — недавно ее поставили. 27-го была панихида. В память о брате идет премьера спектакля. Что еще можно сделать для актера?

— Я слышала, что с братом у вас были сложные отношения. Мне кажется, и характеры ваши совершенно разные.

— Безусловно. И у близнецов бывает разный характер. Но делить

нам было нечего. Мы работали в одном театре. При мне он вернулся в Малый, поставил водеvil. Пусть те, кто говорит, делают выводы. Потом, он на семь лет младше меня — из роддома я его забирал. Так что из всех живущих на белом свете я знал его лучше, чем кто-либо.

— А как вы забирали его из роддома?

— Шел 41-й год, отец взял меня с собой. На все хлебные карточки он купил пирожные: мы потом месяц сидели без хлеба. Отец был очень наивный, широкий человек. Пирожные состояли из двух спрессованных кусков черного хлеба и повидла. Я до сих пор помню их вкус.

— В детстве не дрались с братом?

— О чем вы говорите? Я был в десятом, а он в третьем. У меня уже девушки были, а он был сопляк, только курить начинал.

— А на поступление Виталия Мефодьевича в Щепкинское по-

поехал. Ольга привела его в училище. А дальше была жизнь — вот и все.

Обручальное кольцо не ношу

— Почему вы редко снимаетесь в кино?

— А как я театр оставлю? Я ведь здесь каждый день с утра до вечера. Меня приглашают, но соглашаюсь действительно редко. Сниматься только ради денег не хочу. Можно заработать и другим путем, не продавая свое лицо, имя. Самые трудные годы — последние десять лет. Я ведь в Малом поставил несколько спектаклей. Снялся в сериале «Московская сага», потому что меня устроил материал и съемки проходили в столице. Предлагают и за рубежом сниматься, но я не могу оставить театр. К тому же для меня теперь граница — не эталон. Это в 68-м году, когда впервые оказался в Италии, было интересно.

библиотека

Итоги конкурса

«Собеседник» вновь подводит итоги ежемесячной библиотечной лотереи. Итак, мы рады объявить призеров майской лотереи. Ими стали:

— районная библиотека, п. Ибреси (Чувашская Республика);
— центральная городская библиотека, г. Сокол (Вологодская обл.);
— библиотека-филиал №9, г. Муром (Владимирская обл.);
— центральная библиотека, г. Междоуречье (Оренбургская обл.).

Поздравляем победителей! Все они получают традиционные подарки от Издательского дома «Собеседник»: наборы книг, которые уже готовятся к отправке.

Хотелось бы отдельно отметить районную библиотеку из поселка Ибреси. Количество присланных в наш адрес подписных купонов выводит ее в число наиболее вероятных победителей полугодичного конкурса, в котором разыгрывается несколько денежных призов. Результаты будут опубликованы на наших страницах в начале июля.

До конца подписной кампании остаются буквально считанные дни, поэтому советуем оформить подписку на «Собеседник» прямо сегодня. Напомним, что для участия в лотерее достаточно прислать в адрес редакции копию подписного абонемента.

Ваш «Собеседник».

P.S. Редакция приносит извинения за несвоевременную доставку призов в связи с возможными перебоями в работе почты. По всем вопросам, касающимся проекта «Собеседник» — библиотеки России, звоните по телефону (095) 285-19-62.

А когда поехал и как турист, и с гастроллями, уже туда не таянет. Хотя сейчас уже и не нищий с потными сутюжными в кармане. И не знаешь, то ли есть на них, то ли купить что-то ребенку.

— Когда ваша дочь, музыкант по профессии, уехала в Лондон, как вы к этому отнеслись?

— Плохо. Но у нее там семья. К тому же она не навсегда уехала. Думаю, у дочери ума должно хватить, чтобы вернуться. Перечислите вам всех наших известных артистов, которые уехали, а потом вернулись? Все возвращаются. Дом есть дом.

— Многие мечтают о том, чтобы их дети жили в цивилизованной стране.

— Думаете, там нет проблем? Что там действительно лучше — так это качество услуг и законность.

— Вам приходилось у нас сталкиваться с беззаконием?

— Да нет. Один раз после премьеры шли с моим заместителем из театра: на улице уже никого не было. Остановилась милиционерская машина, из нее вышли два человека и потребовали документы. Я даже не понял сначала, чего они хотят: ведь милиционеры видели, что мы идем из театра. И разговор получился немного хамский. Я спросил, какое они имеют право требовать паспорт. А один на автомат показывает и говорит: «Вот мое право!» Но как, вы думаете, я

влияло то, что один Соломин там уже был?

— Может быть. Это известный факт, когда Вера Николаевна Пашенная сказала: «Это брат Соломина? Принять». Но дело не в этом, он не к ней поступал на курс. Брат жил у меня и в квартире, и в общежитии. Я и Ольга Николаевна — единственные, кто встречал его с поезда. Ему больше некуда было

отреагировать? Снял очки и сказал одно слово: «Что?» Он, когда увидел мое лицо, пролетел: «Все в порядке». Все-таки узнал — ума хватило. Вот это меня возмущает. Дуракам нельзя давать право на ношение оружия. Представляю, как это унижает людей «кавказской национальности». Страдают те из них, кто невиновен.

— В роли просителя вам часто приходится выступать?

— Я для себя ничего не прошу.

— Ну а для театра, актеров?

— Приходится. Я хожу к чиновникам с нашим директором — он человек сдержанный, а я могу сорваться.

— Как себя ощущаете на ковче?

— Это самое неприятное. Я очень нервничаю. Меня это унижает. И унижает человека, за которого я прошу, и театр. Комплекс неполноценности возникает. Я заболел. Жена по лицу определяет, что я делал сегодня.

— Неужели? С тех пор его и ношу. А носить два кольца — это слишком.

— В родной Чите давно были?

— Давно.

— Таяет?

— Очень. С каждым годом все больше и больше. Там похоронен отец, другие родственники. Ну ничего. Авось еще съезжу.

— У вас 18 июня — день рождения. Готовитесь?

— Нет. Дата некруглая — чего к ней готовиться?

— Много народу ждете?

— Я никого не приглашаю.

— Внучка приедет из Лондона?

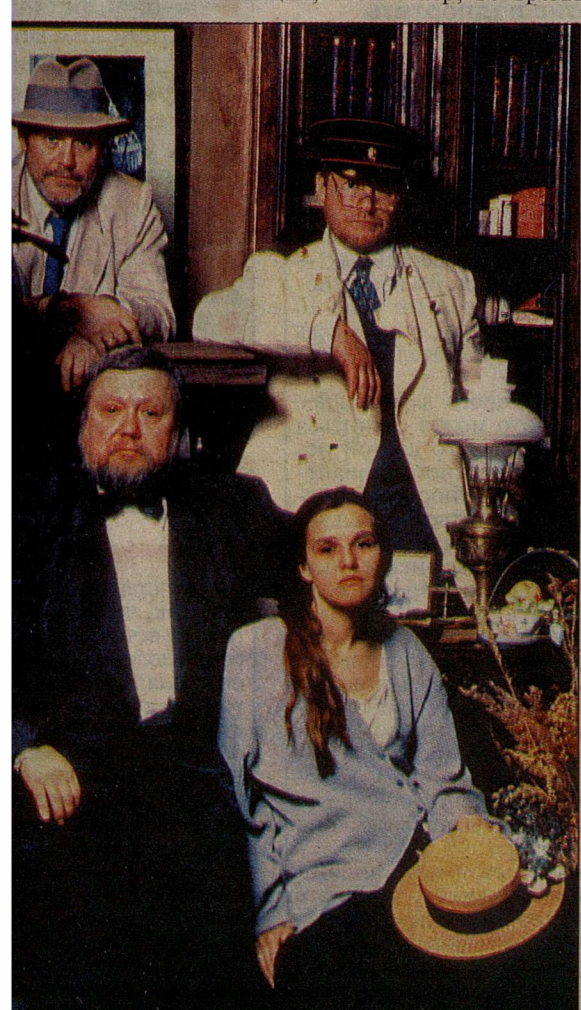
— Нет. Она же в школе, экзамены сдает. Серьезный человек. Александре будет тринадцать: у нее на одной неделе со мной день рождения. Внучка часто приезжает, практически каждые две недели.

— Какой подарок для себя хотели бы?

— Никакой. У меня все есть.

■ Надежда Келлер.

урировал. И сейчас процентов и что? Я отношусь к курению, как к театру или трику, которая у нее на груди, а она в деплате... На восемнадцатом я не курили. Сиди писали, пусть меня на, говорят, что искусство, не а уши вешать. Сика. Еще семь ял. Либо ты их

акле «Дядя Ваня» (постановка Сергея Соловьева) Юрий Соломин (вверху слева) — Войничский